

ФАКТОРЫ РИСКА В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НОВЫЕ КРИЗИСЫ И ИХ КУМУЛЯТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ)

А. В. Глухова

Глухова Александра Викторовна

Эл. почта: avglukhova@mail.ru. ORCID 0000-0002-3894-3229.

Воронежский государственный университет, Университетская площадь, 1, Воронеж, 394018, Россия

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу конфликтогенного потенциала, характерного для политико-экономической и социокультурной реальности современного мира. Автор исследует совокупность факторов, определяющих содержание и форму возникающих конфликтных размежеваний, отмечая, что в существующих и формирующихся социальных расколах заметное место занимают идентификационные требования, проблемы признания и уважения, получающие активную встречную реакцию со стороны популистских партий и движений. Высокая интенсивность конфликтного напряжения диктуется сложным многообразием различного типа размежеваний, создающих кумулятивный эффект и затрудняющих поиски согласия. В статье обращается внимание на то, что внутренняя конфликтность современных обществ усиливает эффекты дестабилизации всего мирового порядка. По мнению автора, главной объяснительной рамкой новейшей мировой истории является процесс глобализации, однако последняя не поддается однозначной интерпретации, хотя ее следствием стало возникновение множества экономических, социокультурных, политических и моральных расколов между теми, кто стал бенефициарами этого процесса, и теми, кто проиграл. Немецкие ученые, первыми выявившие эти диаметрально противоположные позиции, условно обозначили их носителей как «космополитов» и «коммунитаристов». Новые конфликтные линии имеют существенно иные социокультурные черты, нежели в эпоху революционной XVIII–XIX вв., хотя остаются отчетливо определенными в социально-экономическом плане. Совокупность новых кризисов, представляющих сложное соединение объективного и субъективного измерений кризисной ситуации, усугубляет это противостояние и становится серьезным вызовом для демократии. Задачей политики было и остается предотвращение подобных кризисов или их своевременная редукция, а в стратегическом плане — формирование представления об общем благе и ориентирование общества на его достижение.

Ключевые слова: эпоха неопределенности, социальные размежевания, конфликтный потенциал, факторы риска, идентификационные требования, популизм, новые кризисы, политические действия.

Введение

Одной из центральных проблем современного мирового развития является природа и формы проявления конфликтного потенциала, а также перспективы его снижения. При этом солидарным мнением ученых стало признание возрастающего влияния совокупности разнообразных факторов, определяющих как содержательное наполнение, так и форму протекания конфликтов. Все более заметную роль в формирующихся социальных расколах начинают играть не столько объективные, сколько субъективные факторы, включая *проблемы идентификации, признания и уважения*. Воздействие указанных факторов не зависит от того, идет ли речь о различных социальных группах внутри современных обществ или о целых государствах, также настаивающих на признании своей личности и, соответственно, на уважении в условиях формирующегося нового миропорядка. При этом конфликтное напряжение, отличающееся высокой степенью интенсивности,

обусловлено в значительной степени тем, что идентификационные требования формируют очень сложное переплетение и наложение размежеваний, а не существуют автономно, отдельно друг от друга.

Характеристики социально-экономической и политической реальности становятся все более разнообразными и тревожными: «общество риска» (У. Бек), «ускользающий мир» (Э. Гидденс), «текущая современность» (З. Бауман). К этому ряду определений недавно добавились новые: «эра неопределенности» (Х. Мюнклер), «культурный пессимизм», «эпоха антропоцена», «разделенные общества» (В. Меркель, И. С. Семененко), «опасная эпоха» (Ф. Фукуяма), «новая политическая реальность» и т. д.

В последнее время все большее число авторов склоняются к тому, чтобы зафиксировать резкий разрыв с предшествующим состоянием, произошедший в феврале 2022 г. В истории человечества такие периоды называются *«цезурами»*, т. е. переходом времени из одного состояния в другое, когда ничто не остается таким, каким было прежде. Для таких периодов, по мнению немецкого военного теоретика Г. Мюнклера, характерны повышенная степень неопределенности, социальная нервозность и страх перед будущим, который находит свое отражение в апокалиптических сценариях и упаднических повествованиях (Münkler, 2022). Известный политолог В. Меркель обращает внимание на моральное сужение дискурсов в условиях «нервной республики» (Merkel, 2022, р. 44). Российский ученый А. Г. Арбатов солидаризируется с мнением о поворотном моменте в эволюции европейской и всей глобальной политики за последние полстолетия, вызванном драматическими событиями на Украине, развернувшимися с февраля 2022 г. (Арбатов, 2022, с. 10). Отечественные исследователи обращают внимание на усилившуюся взаимосвязь внутри- и внешнеполитических процессов, на то, как конфликтность, растущая внутри современных обществ, порождает эффекты дестабилизации миропорядка. Возникает феномен глубоко разделенных обществ, характеризующихся множественными социальными (в широком смысле слова) размежеваниями (Семененко, Лапкин, Пантин, 2021). Есть основания полагать, что мы уснули в мире Ю. Хабермаса (Habermas, 1981) с его надеждой на продуктивность коммуникативного действия, а проснулись в мире К. Шмитта (Шмитт, 1992) с его трактовкой сущности политического как диспозиции «друга» и «врага».

В политическую повестку дня встает вопрос о способах свободного объединения людей, поддержки прочных культурных связей вокруг общих ценностей: эмпатии, солидарности, справедливости, как внутри отдельных обществ, так и в межгосударственных отношениях. Достижение этой цели возможно лишь на договорной основе, однако последняя не может появиться там, где у сторон нет взаимного доверия, где собственная картина происходящего исключает признание даже частичной правоты оппонента. Вместе с тем возникшие проблемы нельзя решить при помощи того способа мышления, благодаря которому они и возникли (А. Эйнштейн). Путь к новой консолидации пролегает через диалог и изменение восприятия сторонами друг друга, что в конечном счете должно способствовать формированию предпосылок к возобновлению контактов и взаимовыгодному сотрудничеству.

Глобализационный фактор и его последствия

Что же лежит в основании столь широкомасштабных и неоднозначных перемен? По солидарному мнению ученых, в основе экономической и культурной

диверсификации последних десятилетий лежит процесс глобализации, ставшей «главной объяснительной рамкой новейшей мировой истории» (Dahrendorf, 2004, p. 236).

Отличительной чертой глобализации является резко возросшая взаимозависимость разных стран, народов и континентов. Другим ее важным качеством можно считать гибкость и подвижность (флексibilität) всех затрагиваемых ею общественных структур. Глобализация включает разные измерения: военно-техническое, политико-правовое, социокультурное и т.д., однако в публичной сфере это понятие употребляется преимущественно в экономическом смысле. Вместе с тем ее базисом является, скорее, информация, доступная и мгновенно распространяющаяся по всему миру.

Глобализация, трактуемая как объединенное человечество и как непосредственная и перманентная реальность, имеет множество влияний, которые тем или иным способом определяют будущее. В самом начале XXI в. Р. Дарендорф подчеркивал, что проблемы и шансы глобализации лежат на весах истории. «Станет ли человечество жертвой порожденных ею проблем или воспользуется представленными шансами, нельзя сказать заранее. Самым верным прогнозом стал бы тот, что возможно и то, и другое» (Dahrendorf, 2004, p. 247). Фактически ученый предсказывал рисковое существование, прежде всего обществам, ориентированным на будущее, активно пытающимся порвать с собственным прошлым. Соглашаясь с ним, Э. Гидденс напомнил, что понятие риска как раз и связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. «Жить в глобальную эпоху — значит иметь дело с множеством новых ситуаций, связанных с риском» (Гидденс, 2004, с. 51–52).

В новых условиях в политическую повестку дня вставало решение фундаментальной задачи: справиться с «квадратурой круга», т.е. использовать экономические возможности глобальных рынков, поддерживать или создавать заново солидарное гражданское общество и развивать все это в рамках либеральных демократических институтов. Требовались гарантии одновременной защиты благосостояния, гражданственности и свободы. В понятиях международной политики решение такой же задачи требовало столь же сложной комбинации, а именно создания условий для экономического роста во всех странах при уважении культурных различий и одновременной имплементации правил мирного сотрудничества во всемирном масштабе.

Первые шаги глобализации были весьма впечатляющими. Последняя четверть XX в. отмечена небывалым экономическим подъемом: удвоением объема мировой экономики каждые десять лет при низких показателях инфляции. По данным американского политолога Ф. Закарии, экономический рост в 124 странах мира (то есть примерно на двух третях планеты) составлял более 4 процентов ежегодно (Закария, 2009, с. 10). Экономический рост только Китая вывел из бедности 400 миллионов человек. Шло сокращение бедности в странах, население которых составляет 80 процентов населения планеты. «Мы впервые наблюдаем действительно глобальный рост, — отмечал Ф. Закария. — И он создает международную систему, в которой страны всех частей света уже больше не являются дополнениями или сторонними наблюдателями, а становятся полноправными игроками, участниками процесса. Это означает рождение нового, поистине глобального порядка» (Закария, 2009, с. 27). В фундаменте последнего, по мнению автора, лежит глубокое структурное основание: «по всему миру экономика празднует

триумф над политикой»¹. Темпы роста международной торговли и инвестиций в тот период опережали темпы роста мирового ВВП и считались основной движущей силой процветания².

Наряду с прочим, глобализационная повестка включала целый ряд позитивных гуманитарных процессов: защиту прав женщин и меньшинств; права социальной самоорганизации; экологическую и правозащитную проблематику; активный рост неправительственных организаций («Международная амнистия», «Врачи без границ») и т.д. По мнению польских исследователей, «в изменившемся мире возрастает спрос на содержательные культурные споры, переосмысление своей идентичности; привычку к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов и т.д.» (Руководство по диалогу, 2015, с. 36).

Вместе с тем проницательные авторы предсказывали, что такое положение не может длиться долго. Р. Дарендорф называл ситуацию, созданную глобализацией, катастрофическим миром, в котором создаются и снова распадаются новые формы альянсов без отчетливого образца и навязанной иерархии (Dahrendorf, 2004, p. 238).

Сегодня очевидно, что с квадратурой круга удалось далеко не все. Естественно, что успешная экономика невозможна без развития индивидуального духа предпринимательства, возможностей для его носителей участвовать в создании общественных благ, демонстрировать гибкость и изменчивость. Но другая сторона этой свободы состоит из правил, которые гарантируют шансы доступа к ресурсам и предупреждают от злоупотреблений рынка. Это та минимальная функция социальной политики и гражданства, которая ориентирована на создание общего блага и общих правил совместного существования. Помимо прочего, это пробуждает чувство сопричастности, особенно ценное в эпоху глобализации, поскольку его трудно поддерживать для сохранения сплоченности общества. Отсюда главными задачами в эпоху глобализации становились дерегулирование экономики, новое издание государства всеобщего благосостояния, благоприятствование созданию социального единства, утверждение и отстаивание демократии и господства права. Те же задачи предполагалось решать и на международном уровне — через укрепление международного права, межправительственные и неправительственные организации, «двадцатки», «семерки» и т.д.

В конце XX в. разгорелись дебаты о моральных ценностях и их роли в экономике, политике и повседневной жизни. В дебатах о будущем столкнулись три основополагающих принципа: релятивизм, фундаментализм и ценности Просвещения. Поначалу мир захватила волна релятивизма: все разрешено, что служит собственным эгоистическим интересам, и безучастность к интересам других. Однако такой релятивизм не позволяет справиться с квадратурой круга в эпоху глобализации, поскольку гарантирует достижение лишь двух из трех основных

¹ «Правительства — от Вьетнама до Колумбии — поняли, что нельзя позволять себе не участвовать в планетарной гонке за повышение благосостояния. Они стали проводить трезвую политику, сократили объем государственного долга, отказались от вредных субсидий. Эти реформы привлекали инвесторов и создавали новые рабочие места» // См.: Закария Ф. Постамериканский мир. — М.: Издательство «Европа», 2009. — С. 11.

² С 1970 по 2008 г. мировое производство товаров и услуг увеличилось в четыре раза, рост шел практически во всех регионах мира, а число людей, живущих в условиях крайней нищеты в развивающихся странах, сократилось с 42% от общей численности населения в 1993 г. до 17% в 2011 г. Доля детей, не доживших до пяти лет, упала с 22% в 1960 г. до менее 5% к 2016 г. // Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — С. 26.

целей: благосостояние и сплоченность без свободы; благосостояние и свободу без сплоченности; сплоченность (солидарность) и свободу без благосостояния (Dahrendorf, 2004, p. 249).

Другой выбор — фундаментализм (или интегрзм), для которого характерна принудительная сплоченность, отбирающая у людей их основополагающие права, а в конце по необходимости урезающая и экономические шансы. Рецепты справиться с квадратурой круга в этой версии известны — протекционизм, этнические чистки и диктаторские режимы, но они разрушают гражданское общество и силу рынка как источник создания общих благ.

Остается несколько старомодная, но хорошо испытанная позиция: пребывая в горизонте неизвестности, стремиться создавать институты, способные корректировать заблуждения и ошибки, и стремиться улучшать качество жизни людей. Эта ценность, сформированная идеями Просвещения, была передана по наследству индустриальной и постиндустриальной эпохе, однако в минувшем веке она столь же часто нарушалась, как и восхвалялась. Наступавший XXI в. давал ей определенный шанс на реализацию.

Популистский ответ на глобализационный вызов

Обеспечив впечатляющий экономический рост в масштабах всего мирового общества, глобализация вместе с тем резко усилила имущественное расслоение внутри отдельных стран. По словам Ф. Фукуямы, в 1988–2008 гг. мир стал намного богаче благодаря росту производительности труда и глобализации, но плоды этого процесса распределялись неравномерно³. В результате многие страны мира, в том числе и экономически развитые, сегодня сталкиваются с огромными социальными диспропорциями, подобными классовым размежеваниям, изученным К. Марксом. В начале второго десятилетия XXI в. богатейший 1% населения планеты получал почти 15% мировых доходов, а беднейшие 2/3 (67%) — менее 13%. 10% богатых жителей Земли владели 84% мировых активов, в то время как бедная половина населения планеты — только 1%. 80 богатейших людей планеты обладают таким же состоянием, что и бедная половина мирового населения, 3,5 млрд. человек (Кувалдин, 2017, с. 50).

По данным Доклада о мировом неравенстве 2022 г., в глобальном масштабе неравенство доходов стремительно росло в период с 1820 по 1910 г. с усилением доминирования Запада и колониального правления и оставалось на очень высоком уровне в период с 1910 по 2020 г. В связи с быстрым ростом крупных «развивающихся рынков» разрыв между странами с 1980 г. несколько сократился, однако за этот же период неравенство внутри отдельных стран значительно возросло. «Эти два эффекта компенсируют друг друга, поэтому глобальное неравенство оставалось высоким в последние десятилетия, — отмечают авторы доклада. — Сегодня 10 процентов самых богатых людей получают около половины мирового дохода. Неравенство в богатстве значительно превышает неравенство в доходах: 10 процентов

³ Согласно исследованию Международного валютного фонда, с 1970 по 2014 г. в процессе вымывания среднего класса (и, соответственно, поляризации доходов) доля лиц с доходами 50–150% от медианного значения сократилась с 58% до 47%. С 2000 по 2014 г. Лишь четверть процента из них поднялись к более высоким категориям потребления, зато целых 3,25% скатились на более низкие ступени «лестницы доходов». Это неравенство усугубилось финансовым кризисом 2008 г., когда махинации и политические решения финансового сектора вызвали образование пузыря активов, схлопывание которого уничтожило рабочие места и сбережения миллионов простых американцев, а также множества людей во всем мире // См.: Фукуяма. Указ соч., с. 109.

самых богатых жителей мира сейчас владеют примерно тремя четвертями мирового богатства, в то время как 50 процентов самых бедных не обладают значительным богатством» (Theresa Neef, Lucas Chancel, 2022, p. 29–30).

Другим негативным последствием глобализации стало полное доминирование экономического неолиберализма и культурной идентификации над политическими решениями. Это отодвинуло политическое оформление глобализации на периферию внимания управленческих элит, уверовавших в то, что экономический рост сам расставит все по своим местам и снимет все противоречия. Однако триумф экономики над политикой оказался в действительности пирровой победой, которая породила новые экономические и социокультурные расколы. «Глобализация оказалась политически неоформленной: глобальный неолиберализм элиминировал политическое начало, сведя его к рыночному экономизму. Массы людей, проигравших от глобализации, не улавливаются сетью политического восприятия» (Глухова, 2020, с. 19). Этаблированные партии не справились с задачей обеспечения представительства в политических структурах так называемых «исключенных групп», что привело к формированию контрпродуктивной оппозиции процессам глобализации и интеграции в лице лево- и правопопулистских партий и движений, переживших внушительный подъем в начале XXI в. (Глухова, 2019; Вайнштейн, 2017).

Успех популистов во многом стал возможным потому, что слабыми оказались левые политические силы, традиционно державшие социально-экономические проблемы в центре своей актуальной повестки. Но в этот раз, несмотря на благоприятную политическую конъюнктуру, левые партии не смогли надолго извлечь выгоду из растущего глобального неравенства. Этим не преминули воспользоваться преимущественно правые национал-популистские силы во многих странах мира, сумев правильно оценить природу взаимодействия экономических мотивов с проблемами идентичности в поведении человека и с выгодой для себя использовать их в политической мобилизации недовольных масс. По точному наблюдению Ф. Фукуямы, «быть бедным — значит быть невидимым для окружающих, а пренебрежение порой уязвляет гораздо сильнее, чем бедность» (Фукуяма, 2019, с. 110).

Попытки разгадать секрет феномена популизма породили целый ряд новых теоретических подходов, включая взаимосвязь субъективного социального статуса и политической поддержки популизма. Говоря иначе, восприятие социального статуса опосредует влияние как экономического, так и культурного развития на поддержку правопопулистских партий (Nils D. Steiner, Christian H. Schimpf & Alexander Wuttke, 2023).

Другой подход опирается на устоявшуюся концепцию общественного признания, которая учитывает множество способов для недовольных почувствовать себя обделенными, что облегчает их вхождение в состав разнородной пропопулистской коалиции. Как правило, члены такой коалиции чувствуют себя исключенными из общества и демонстрируют различные и даже противоположные политические установки: от пассивного смирения до агрессивного требования сверхкомпенсации.

Популистская логика проистекает из моралистического мировоззрения, в котором коррумпированная элита противопоставляется добродетельным людям и подвергается систематической диффамации. Отсюда дискурс популистов постоянно направлен против «старых элит», которым противостоит «хороший народ», осуществляющий свою властную волю посредством популистских избранников. Типичные для популистов конструкции «Мы», опирающиеся на «истинный народ», против

«Их», т.е. элит и поощряемых ими меньшинств, («угрожающих других») производит типичную логику игры «с нулевой суммой». Таким способом популизм превращается в политический инструмент, позволяющий недовольным группам вернуть себя на ту публичную арену, с которой они почувствовали себя исключенными.

Чувство отсутствия общественного признания может иметь неограниченное количество источников, проистекающих как из актов формального исключения (например, режимы апартеида), так и из более тонких дискриминационных актов (экономическая изоляция, пренебрежение со стороны элиты особой идентичностью тех или иных групп). Отсюда общественное признание можно трактовать как многомерное понятие, составляющими компонентами которого являются культурные, экономические или региональные аспекты. На базе последних складываются, говоря языком У. Бека, аффективные «сообщества риска», основанные на различных, часто противоположных ценностях, вносящих свою лепту в общий потенциал социально-политической напряженности (Бек, 2000, с. 381).

Существенным элементом нарастающей напряженности стал национализм — самый серьезный политический вызов, сопровождавший рост экономики в первом десятилетии XXI в. Сам факт родства и взаимосвязи между глобализацией и экономической модернизацией, с одной стороны, и экономическим национализмом — с другой, стал неожиданностью и для идеологов глобализации, и для ее политических адептов. Популисты смогли уловить, подпитать и направить чувства национальной гордости, памяти о прошлом в нужное русло при помощи демагогических приемов, манипулировать политическими или религиозными взглядами. «Эти энергии переливаются через суверенные границы и формируют вызовы как уже существующим государствам, так и существующей мировой иерархии», — отмечал Ф. Закария (Закария, 2009, с. 56). Сказанное подтверждает серьезный политический просчет правящих элит демократических государств, основанный на их уверенности в том, что рост благосостояния автоматически гарантирует поддержку свободы и демократии повсюду в мире. Однако связь между экономическими успехами и социокультурным возрождением национального величия, не опосредованная выверенными политическими решениями, дает совсем другие результаты. По словам британского ученого А. Пабста, на политических подмостках ряда стран, в том числе, и Европы, «можно увидеть как попытки построить космополитическую утопию, так и восстания против истеблишмента, часто принимающие форму национализма и даже атавистического этноцентризма» (Пабст, 2021, с. 33).

Новые социальные размежевания

Характеристики системных элементов эволюционных трансформаций современных обществ все чаще включают такие понятия, как социальные размежевания (кливажи), идейно-политические противостояния, социокультурные расколы, выступающие определяющим фактором современной политической динамики. Приоритетными темами повестки дня социальных наук становится диагностика вызовов, рисков и угроз с точки зрения их негативного воздействия на национальную безопасность и политическую стабильность современных обществ. «Выбор такой оптики не случаен: *эффекты дестабилизации миропорядка усиливаются под воздействием растущей внутри современных обществ конфликтности*», — подчеркивают ведущие отечественные ученые (Семененко, Лапкин, Пантин, 2021, с. 58). Нечто похожее происходило и раньше, когда в ходе Реформации возник раскол

между государством и церковью, а в ходе промышленной революции — раскол между городом и селом и т.д. В наше время информационная революция реанимировала ценностные, этнокультурные, этнополитические и цивилизационные расколы и породила новое, цифровое неравенство, включая «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов»; межпоколенческие разрывы (в том числе в силу разных типов мышления и ценностной несовместимости) и т.д.

Вместе с тем, как показывают эмпирические исследования, никуда не исчезают социально-экономические кризисы и связанные с ними традиционные конфликтные линии — между трудом и капиталом, правыми и левыми политическими силами, государством и рынком и т.д. Более того, во втором десятилетии XXI в. появляются новые, культурно коннотированные кризисные и конфликтные измерения, которые делят современное развитое общество вертикально (*Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen*, 2020). По одну сторону этой конфликтной линии располагаются средние слои с высоким уровнем культурного и экономического капитала, большей частью жители городов, следующие, как правило, космополитическому образу мыслей. Они рассматривают национально-государственные границы как реликт XX в., от которого стоит отказаться; их нормативной исходной точкой является не нация, но все человечество. Вопросы политического и правового равноправия, включая равенство полов, они рассматривают как общественно более релевантные, чем классические вопросы справедливого распределения. Эту конфликтную линию отличает также язык гендерной справедливости, равноправие различных сексуальных предпочтений и идентичностей по ту сторону «гетеронормативности» и поддержка либеральной иммиграционной политики. Абсолютным приоритетом для XXI в. они считают борьбу с климатическим кризисом.

По другую сторону конфликтной линии располагаются общественно менее привилегированные слои, располагающие гораздо более низким формальным уровнем образования, низкими доходами; социально-экономически они находятся в нижней половине, если не в нижней трети общественной структуры. Они в большинстве своем ценят национальное государство, от которого ожидают защиты и поддержки через перераспределение материальных ресурсов, доходов и жизненных шансов. В политическом плане эти слои склоняются скорее к авторитарным, чем к либеральным жизненным установкам и ценят порядок и следование правилам выше, чем индивидуальное самоутверждение. Темы, подобные гендерно-справедливому языку, для них не важны и политически не релевантны.

Однако этот лагерь не является единым: условно говоря, его можно разделить на две группы. Первая группа склоняется к национализму, правому популизму и ксенофобии, исповедует расистские установки и одобряет эксклюзивное национальное государство. Многие из ее представителей нашли свою политическое пристанище в право-популистских партиях. Другая группа формируется преимущественно из традиционных «коммунитаристски» настроенных приверженцев социал-демократии. В качестве своего нормативного исходного пункта они рассматривают шведское «народное» (социальное) государство, относительно гомогенное в культурном отношении. Политическая траектория этой группы объясняется тем, что в прошедшие десятилетия многие социал-демократические партии передвинули в центр своей политики социокультурные запросы академических средних слоев, отчего многие из представителей этого слоя оказались политически «бездомными» и после некоторого пребывания в лагере абсентеистов примкнули к правым

популистам. «Хотя граждане, представляющие коммунитаристские позиции, составляют группу с очень гетерогенным социально-экономическим профилем, всех ее представителей объединяет один признак: субъективное восприятие опасности жить в прекарных условиях или не суметь сохранить свой социальный статус», — отмечает немецкая исследовательница К. Теней (Teneu, 2019, p. 6).

Социально-экономические и культурные конфликтные линии сегодня отражают не только соревновательную структуру демократической партийной системы, но и дискурсивные ландшафты во многих развитых западных обществах. Эмпирические исследования показывают, что космополитически-культурные дискурсы и стремления приобретают особую важность там, где имеется высокоразвитая экономика, на прочном материальном фундаменте которой более релевантными предстают постматериалистические ценности и интересы⁴. Только на фоне возросшей релевантности таких социокультурных устремлений у одной части населения и мобилизационных стратегий «политических предпринимателей», использующих эту дискурсивно мощную конфликтную линию в своих целях, можно понять, почему новые кризисы XXI в. представляют собой такой большой вызов для эстаблированных демократий.

Таким образом, во втором и третьем десятилетии XXI в. центральной задачей для политики, бизнеса и институтов гражданского общества становится готовность обеспечивать внутреннюю сплоченность, вносить свой вклад в единство общества, «будь то отношения между «бедными и богатыми», между «старыми и молодыми», между «аборигенами» и «мигрантами» (не желающими интегрироваться) или между европейской «солидарностью» и национальным «эгоизмом» (Kronenberg, 2013, p. 3–4). Решение этой важнейшей задачи потребует значительных финансовых ресурсов, включая заимствования у будущих поколений. «Необходим консенсус в обществе в целом или обновленное понимание в изменившихся рамочных условиях того, что объединяет общество, несмотря на существующие конфликты и помимо них», — считает немецкий ученый В. Кроненберг (Kronenberg, 2013, p.3). В повестку дня вновь встает проблема общественной солидарности и единства — традиционная для социологической мысли прошлых и нынешней эпох.

Реальная практика показывает, что для решения такой задачи одних конституционных механизмов явно недостаточно. Известный экономист и историк идей А. О. Хиршман отмечает систематическую нехватку доверия и общения между такими группами граждан, как либералы и консерваторы, прогрессисты и реакционеры. Вытекающая отсюда обособленность больших групп граждан друг от друга представляется ему более тревожащей, чем «изоляция аномичных индивидов в „массовом обществе“» (Хиршман, 2021, с. 9). Важно и отношение индивида к обществу, «я» к «мы» и, что еще важнее, к вопросу о том, кто принадлежит к «мы» и почему. «И последнее, но не менее важное заключается в том, чтобы выяснить, что именно отличает «мы» как отдельную идентичность от «других» и что в свою очередь, помимо договоров и процедур, является связующим фактором, объединяющим индивидуальные идентичности — а в европейском контексте и нации — в рамках одного «единства» (Глухова, 2022, с. 41).

⁴ Это связано с иерархией потребностей, базирующейся на психологической гипотезе Абрахама Маслоу, и исследованиях Роналда Инглхарта в рамках сравнительной политологии, сохраняющих свою ценность и поныне.

Не менее серьезная задача — переосмыслить роль социальных сетей как нового инструмента публичной политики и даже ее субъекта. Завышенные ожидания в адрес социальных сетей были связаны с их «глобальным триумфальным шествием» и оценкой их в качестве удобной технической инфраструктуры для формирования «совещательной» общественности. Однако очень быстро проявился разрушительный потенциал социальных сетей: вместо большей инклюзивной общественности, теоретически обоснованной Ю. Хабермасом, нередко возникает «замкнутая в себе самой «полуобщественность», характеризующаяся взаимной исключительностью, безответственностью и развязным нарциссизмом» (Meuer, 2022). Как с горечью констатирует Ю. Хабермас, «великое обещание освобождения сегодня заглушается звуками пустыни в раздробленных, кружащихся внутри самих себя эхо-пространствах» (Meuer, 2022). Тем самым главный теоретик коммуникативного действия приходит к выводу о деструктивном потенциале социальных медиа и негативных последствиях «нового структурного преобразования общественности» (Глухова, 2022).

Кумулятивный эффект новых кризисов

Более полувека глобализационных трансформаций и порожденное ими «общество риска» имеют то отличительное качество, что продуцируют нарастание различного рода кризисов, создающих кумулятивный эффект и обременяющих демократическую политическую систему, угрожая ее стабильности. В центр общественной повестки выдвигается *демографический кризис*, создавая серьезный риск демографического дисбаланса с огромными социальными издержками. Масштабный приток беженцев и мигрантов в Западную Европу породил *миграционный кризис*, актуализировавший вопрос об интеграционных мерах, формах и способах сосуществования людей. *Климатический кризис* влечет за собой устойчивое увеличение риска глобального потепления, вызванного, прежде всего, вредным производством в развитых странах мира⁵. Во время *эпидемического кризиса* (пандемии коронавируса) опасность представляли быстрое увеличение числа инфекций, смертности и перегруженности больничных отделений интенсивной терапии.

В политическом словаре появилось и прочно обосновалось понятие «новые» кризисы, введенное немецким политологом В. Меркелем. Оно фиксирует *сложное соединение объективного и субъективного измерений кризисной ситуации*, переплетение ее разнообразных характеристик. При этом *субъективная составляющая* приобретает все большее значение, поскольку она связана с конструкцией того кризисного нарратива, через который в общественный дискурс вовлекается большее количество акторов. «Повествования продолжают развиваться в социальных дискурсах правительства, оппозиции, новых политических кризисных предпринимателей, средств массовой информации, демагогов или социальных движений, особенно в беспокойные времена, — пишет В. Меркель — Для этого могут быть

⁵ В декабрьском выпуске журнала *Lancet Planet Health* за 2021 год появился отчет, в котором впервые была рассмотрена тема *беспокойства по поводу изменения климата в большом международном эмпирическом исследовании*. Результаты были – и остаются – ошеломляющими. Из 10 000 опрошенных молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет 75 процентов опасались будущего. Тревожные расстройства, депрессия и вялость настолько резко возросли среди молодых людей в США в последние годы, что стала нарицательной формула *кризиса психического здоровья у молодых взрослых* (т.е. растущего числа людей, подверженных риску самоубийства). Климатическая тревога требует серьезного к себе отношения со стороны политиков разных стран // Heidenreich Felix. *Wie lässt sich Zuversicht zurück gewinnen? Demokratische Zukünfte*// Frankfurter Hefte, Ausgabe 6 + 7/2023. 01.07.23

законные или незаконные причины. Но кризис не является кризисом до тех пор, пока люди в большинстве своем не поверят в то, что это кризис. Этому убеждению способствуют кризисные нарративы, а также объективные факты, которые первые пытаются прояснить или исправить» (Merkel, 2021 а). Именно кризисные повествования питают внимание к трем характеристикам новых кризисов, а конкретно к отказу от науки, морализации и поляризации» (Merkel, 2021 а).

Отказ от науки выразился в том, что последняя нередко оказывалась жертвой партийно-политической активности, желая политиков привлекать в качестве советников тех представителей мира науки, которые лучше всего соответствуют из концепции и стратегии действий. Однако в современных комплексных кризисах, сеющих растерянность и неуверенность, политико-стратегическая селекция может оказаться ошибочной. В подобных случаях политика должна обеспечивать возможно более широкий и плюралистический доступ к ученым и научным дисциплинам. Если по политическим причинам такой доступ сужается, то подобное своеобразное «онаучивание» политики на деле ведет к политизации науки, и на смену множественным целям демократической политики приходит одномерное решение проблем, подрывавшее устойчивость демократических процедур.

Другой характерный элемент новых кризисов — это морализация политики и научных позиций. Морализация есть самоутверждающая стилизация собственной моральной позиции в целях принижения другой моральной позиции и достижения собственного превосходства. Обе стороны меньше слушают друг друга, чем пытаются дискредитировать другую сторону и ее аргументы как политически наивные и аморальные⁶. «Хотя, за исключением АДГ, официальные дискурсы в парламенте все еще велись достаточно цивилизованно, в социальных сетях нередко из-за морализации позиций они превращались в ненависть и травлю», — характеризует В. Меркель ситуацию в Германии в период пандемии COVID-19 (Merkel, 2021 b, p. 9).

Третьей характеристикой «новых» кризисов становится поляризация как следствие попыток обеих сторон интегрировать общество на основе своей партикулярной морали. Морализм привносит проблематичную бинарность в политический дискурс, вследствие чего семантические и нормативные мосты между ними почти не пересекаются. «Новый двоичный код выглядит биполярно: истина против лжи, мораль против безнравственности, наука против отрицания. Плюрализм ценностей и мировоззрений воспринимается как презумпция, противники становятся политическими врагами (в логике К. Шмитта «свой — чужой»)» (Merkel, 2021 b, p. 9). Позиция молчаливого большинства, не поддерживающего ни одну, ни другую сторону, способствует дальнейшей поляризации этих двух дискурсивных лагерей. В результате большинство современных обществ теряют свойственный им еще недавно яркий плюрализм и взаимопонимание и переходят к бескомпромиссному размежеванию. Хотя две основные противостоящие группы — «космополиты» и «традиционалисты» — составляют не более трети общества, именно их аргументы определяют публичные дискурсы, усугубляют поляризацию политики и общественную дезинтеграцию (Глухова, 2022).

⁶ Примером могут служить сложные и спорные дебаты по борьбе с коронавирусом, в которых сторонники одной позиции отстаивали приоритетное право на жизнь и физическую неприкосновенность, а сторонники второй — гарантии соблюдения свободы. Морализация первой позиции объявляла ее высшим правом, тогда как сторонники ее баланса с правами свободы были обвинены в недооценке жизни своих собратьев.

Означают ли указанные тенденции экзистенциальный кризис демократии? Категорического ответа на этот вопрос пока нет, но солидарным является мнение об эрозии демократии в определенных областях. Потребность в социальной сплоченности, интерпретируемой как «цементирующий фактор» (Carina Hartz, Boehnke, 2023), сегодня выходит далеко за рамки национальных границ, как и вопросы общей идентичности и солидарности будущих различных интеграционных образований.

Заключение

Очевидно, трансформация мира движется в сторону *культурных столкновений*, постматериалистической культурной борьбы, приобретающей значительное место в дискурсивном пространстве. Она расщепляет общественное единство гораздо успешнее, чем «скандальное неравенство жизненных возможностей», — подчеркивает В. Меркель (Merkel, 2021). По мнению Ф. Фукуямы, «... проблемы глобальной конкуренции, как политической, так и экономической, все чаще будут формулироваться именно в терминах культуры» (Фукуяма, 2004, с. 7). В таких условиях находить и принимать оптимальные политические решения очень трудно, поскольку необходимо держать в поле зрения большое количество переменных и просчитывать возможные последствия⁷.

На каждом базовом уровне современных демократий возникает требование времени: оно необходимо для участия, представительства, принятия решений и их реализации. Но, как справедливо отмечал Р. Дарендорф, человечеству свойственно браться за решение проблемы тогда, когда часы начинают быть двенадцать (это особенно касается ядерных катастроф и разрушения окружающей среды). В условиях глобализации, цифровизации и конфликтных мультипликаций временные ресурсы становятся все более дефицитными; отсюда нередкие констатации того, что политика хронически опаздывает с принятием решений, порождая «эффект десинхронизации», что становится отличительным признаком современных политических процессов (Merkel, 2023).

Политика сегодня находится под огромным давлением ожиданий: необходимы политические действия, выдерживающие вызовы неопределенности и ищущие на них ответы. В мире неопределенности и неуверенности самым главным становится умение свести к минимуму, насколько это возможно, цену ошибки. Поскольку никто точно не знает, какие ответы правильные, а какие нет, жизненно необходимо избежать их догматизации. «Монополистическая власть, авторитарная или тоталитарная, всегда рискует превратить ошибку в перл государственной мудрости, — писал Р. Дарендорф. — Цена ошибки возрастает в условиях, когда нельзя спорить с господствующей концепцией и ее носителями, а в случае необходимости — и заменить их. Если же в институты государства, экономики и общества изначально встроена возможность их преобразования, цена ошибки останется минимальной» (Дарендорф, 2002, с. 233).

На уровне государственной политики крайне важной представляется корректировка ее приоритетов в сторону первостепенной значимости социальной сферы.

⁷ «Вне зависимости от того, ведет противостояние культур к конфликту или к прогрессу и дальнейшей адаптации, сегодня стало жизненно важным выработать более глубокое понимание в отношении того, что делает различные культуры различными и что составляет основу их функционирования...» // Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730, [6] с. — (Philosophy). — С. 7.

Долгое лидерство экономического глобализма в немалой степени и породило те социальные расколы, которые угрожают социальной сплоченности современных обществ. Нужна решительная политика перераспределения общественного богатства от имущих слоев к неимущим как механизм преодоления или по меньшей мере сглаживания социальных размежеваний, угрожающих общественному единству.

В политическую повестку вновь возвращается идея общественного договора, но не как некоего неизменяемого скелета социального организма, а, скорее, как «темы истории» (Р. Дарендорф). В основании этой темы сегодня лежит следующая констатация: «в своей современной форме либерализм порождает экономическую несправедливость и социальные размежевания, которые расшатывают общественный договор — фундамент либеральной демократии» (Пабст, 2021, с. 29). Отсюда поиски нового содержания общественного договора, который бы соответствовал представлениям нынешнего поколения о свободе, справедливости и солидарности как базовых принципах совместного существования людей. При этом принципиально важно сохранить основополагающие принципы открытого общества: гражданский статус; правила политического устройства, гарантирующие ненасильственную сменяемость власти; известную степень автономии рыночной экономики и гражданского общества и т.д.

В политическом плане важно сохранять и совершенствовать каналы политического представительства, создавать доступы к реальному политическому участию. При всех естественных для демократии требованиях сохранения межпартийной конкуренции важно оставаться договороспособными, быть готовыми к межпартийным компромиссам и всевозможным формам коллаборации по принципиальным для общества вопросам. Для того, чтобы общественная поляризация не переросла во взаимную вражду, нужно не игнорировать конфликты и трещины, но укреплять коммуникативные процессы, основанные на ценностях (Schroeder, 2023).

В современных обществах колоссальное значение обретают средства массовой информации, создающие общедоступное общественное пространство. Чтобы иметь возможность выполнять свою роль «четвертой власти», медиасистема должна предоставлять как можно более разнообразное, политически независимое и высококачественное предложение. Как показывают международные сравнения, создание и поддержание такой медиасистемы — далеко не само собой разумеющийся факт. Главной угрозой углубления существующих конфликтов и надвигающихся разногласий является повсеместное распространение социальных сетей, цементирующих раздробленность общества на разные публики, отгораживающих последние друг от друга. Внутри «эхо-камер» все меньше и меньше признаются другие мнения. «Между тем общественные вещатели играют ключевую роль в восприятии политической системы: от их представителей требуется высокий уровень чуткости и готовность проводить регулярные реформаторские мероприятия для достижения максимально широкого общественного признания и противодействия различным процессам раскола, обеспечивать уважительное взаимодействие, укреплять желательную культуру дискурса», — считает В. Шредер (Schroeder, 2023, p. 8).

Обобщая, можно утверждать, что для противостояния неопределенности необходимо не бегство от реальности, а политическое действие. Если политика основывается на размышлениях об упадке и узаконивается в них, если страх и отчаяние, резко возрастающие во времена неопределенности, становятся единственными советниками политики и препятствуют ее попыткам испробовать другие,

альтернативные средства, то неизбежным становится катастрофический финал⁸ (Дуткевич, Казаринова, 2017). К катастрофам в современных сложных обществах, как правило, приводят радикальные маневры, перегружающие систему, на которую они воздействуют. Умение избежать этого и является отличительным знаком искусства политики. Об этом напоминает классическое определение М. Вебера: «Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером» (Вебер, 2017, с. 326). К тому же, как подчеркивает автор, она делается головой, а не другими частями тела и души. С ним солидарен Х. Мюнклер: «Возможно, в предыдущих обществах все было по-другому, но современные сложные общества допускают только медленные и продуманные изменения» (Münkler, 2022). Политиком, достойным этого звания, предстоит быть очень чувствительными к тем внешне малозаметным, но тектоническим по своим масштабам и последствиям процессам, которые протекают в самой толще общества и имеют множественную природу. Вместе с тем в них все более очевидно преобладание культурного и политико-психологического компонента в его широком понимании, что объясняет высокую интенсивность и бескомпромиссный характер многих современных конфликтов. Задачей политики было и остается предотвращение подобных конфликтов или их своевременная редукция, а в стратегическом плане — формирование представления об общем благе и ориентирование общества на его достижение.

Библиографический список

- Арбатов, А. Г. (2022). Украинский кризис и стратегическая стабильность. *ПОЛИС. Политические исследования*, 4, 10–31. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.03
- Вайнштейн, Г. И. (2017). Современный популизм как объект политологического анализа. *ПОЛИС. Политические исследования*, 4, 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
- Вебер, М. (2017). *Политика как призвание и профессия*. Москва: RIPOI классик.
- Глухова, А. В. (2017). Популизм как политический феномен: вызов современной демократии. *ПОЛИС. Политические исследования*, 4, 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04/05
- Глухова, А. В. (2020). Политические конфликты в глобальную эпоху (к проблеме теоретической идентификации). *Политическая наука*, 3, 11–33.
- Глухова, А. В. (2022). Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке. *Политическая наука*, 3, 36–56. DOI: 10.31249/poln/2022.03.XX
- Дуткевич, П., Казаринова, Д. (2017). Страх как политика. *ПОЛИС. Политические исследования*, 4, 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02
- Закария, Ф. (2009). *Постамериканский мир*. Москва: Издательство «Европа».
- Кувалдин, В. (2017). *Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения*. Москва: Издательство «Весь Мир».

⁸ Так, в Германии эмпирические исследования рисуют довольно мрачную картину. Согласно исследованию К. Хуррельманна и С.Шнетцера «Молодежь в Германии — исследование тенденций: зима 2022/23 — годы процветания: психика, финансы, отречение», 27 процентов опрошенных страдают депрессией. Причина их беспокойства неувидительна: наряду с конфликтом на Украине изменение климата стоит на первом месте в списке источников беспокойства. Возможно, что молодежь играет лишь роль показателя, раскрывающего более широкую тенденцию, и нужно говорить о «кризисе будущего» многих устоявшихся демократий, об отсутствии доверия//Heidenreich Felix. Wie lässt sich Zuversicht zurück gewinnen? Demokratische Zukünfte// Frankfurter Hefte, Ausgabe 6 + 7/2023. 01.07.23

- Пабст, А. (2021). Цивилизация и либеральная демократия. *ПОЛИС. Политические исследования*, 4, 26–42. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2021). Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. *ПОЛИС. Политические исследования*, 5, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05
- Фукуяма, Ф. (2019). *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. Москва: Альпина Паблишер.
- Хиршман, А. О. (2021). *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Чижевский, К., Куляс, И., Голюбовский, М. (ред.). (2015). *Руководство по диалогу*. Сейны: Фонд «Пограничье» и Центр «Пограничье — искусств, культур, народов».
- Шмитт, К. (1992). Понятие политического. *Вопросы социологии*, 1, 37–68.
- Dahrendorf R. (2004). *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze*. Muenchen: Verlag C. H. Beck, oHG.
- Dahrendorf, R. (1998). Anmerkungen zu Globalisierung. In U. Beck (Ed.) *Perspektivender Weltgesellschaft* (pp. 41–54). Frankfurt am Main.
- Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn.* (2019). Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750>.
- Habermas, J. (1981) *Theorie des Kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main. ISBN: 3-518-28775-3.
- Hartz, C., Boehnke, K. (2023). *Kitt der Gesellschaft. Dimensionen und Wirkungen sozialen Zusammenhalts*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/kitt-der-gesellschaft-3629>.
- Heidenreich, F. (2023). Wie lässt sich Zuversicht Zurück Gewinnen? Demokratische Zukünfte. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/demokratische-zukuenfte-3711/>
- Kronenberg, V. (2013). Was Halt die Gesellschaft Zusammen? Ein Blick Zurück Nach Vorn. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 3–4.
- Merkel, W. (2021a). Moralisierung und Polarisierung als Gesellschaftliche Signatur. *Neue Gesellschaft*, 8. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/aktuelle-ausgabe/12/2021>.
- Merkel, W. (2021b). Neue Krisen. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 26/27, 4–11.
- Merkel, W. (2022). Über die Moralische Verengung Unserer Diskurse. *Die Nervöse Republik. Frankfurter Hefte*, 6, 44–48.
- Merkel, W. (2023). Der Faktor Zeit in der Ära Multipler Krisen in Europa. Demokratie unter Druck. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/demokratie-unter-druck-3664-1>
- Meyer, T. (2022). Jürgen Habermas über das Destruktive Potenzial “Sozialer” Medien. Noch ein Strukturwandel der Öffentlichkeit. *Neue Gesellschaft*, 1. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/autor/thomas-meyer/11.01.2022/Ausgabe 1/2 2022>
- Münkler, H. (2022). Eine Ära der Ungewissheit. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/eine-aera-der-ungewissheit-3338>
- Neef, T., Chancel, L. (2022). Wie Ungleich ist die Welt? Ergebnisse des World Inequality Report 2022. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 37/38, 29–39.
- Schroeder, W. (2023). Damit aus Polarisierung nicht Feindschaft wird. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/damit-aus-polarisierung-nicht-feindschaft-wird-3627/21.03.2023>
- Steiner, N. D., Schimpf, C. H., Wuttke, A. (2023). Abgehängt und im Populismus Vereint? Die Vielfältigen Wurzeln des Populismus im Gefühl Fehlender Gesellschaftlicher Anerkennung. *Politische Vierteljahresschrift*, 64, 107–132.

Teney, C. (2019). Über die Kluft Zwischen Kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/ausgabe/gespaltene-gesellschaft-1/>.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023
Статья принята к публикации 10.11.2023

Для цитирования: Глухова А. В. Факторы риска в эпоху неопределенности (новые кризисы и их кумулятивные эффекты). *Южно-российский журнал социальных наук*. 2024. Т. 25. № 1. С. 20–37.

RISK FACTORS IN AN ERA OF UNCERTAINTY (NEW CRISES AND THEIR CUMULATIVE EFFECTS)

A. V. Glukhova

Alexandra V. Glukhova

E-mail: avglukhova@mail.ru. ORCID 0000-0002-3894-3229.

Voronezh State University, Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394018, Russia

Abstract. The article presents the results of a comprehensive theoretical analysis of the current risks to the political, economic, and socio-cultural reality. The author examines the set of factors that determine the content and form of emerging conflict divisions, noting that in existing and emerging social cleavages, identification demands, problems of recognition and respect occupy a prominent place. These issues elicit an active counter-reaction from populist parties and movements. The intensity of the conflict is shaped by the multitude of interwoven cleavages which create a cumulative effect that makes it challenging to achieve consensus. The paper stresses that the internal conflicts of contemporary societies intensify the destabilizing effects of the global order. In the author's opinion, the main explanatory framework of recent world history is the process of globalization, but the latter does not lend itself to an unambiguous interpretation, although it has resulted in the emergence of a multitude of economic, socio-cultural, political and moral cleavages between those who have benefited and those who have lost. German scholars, who were the first to identify these diametrically opposed positions, conventionally labeled their bearers as "cosmopolitans" and "communitarians". The new conflict lines have significantly different socio-cultural features from those of the industrial revolution of the 18th-19th centuries, in terms of socio-economic factors. The set of new crises, representing a complex combination of objective and subjective dimensions of the crisis situation, intensifies the confrontation and becomes a serious challenge to democratic systems. The major objective of politics has been and remains the prevention of such crises or their timely reduction; strategically, it lies in articulating a vision of the common good and guiding society towards its realization.

Keywords: era of uncertainty, social divisions, conflict potential, risk factors, identification requirements, populism, new crises.

DOI 10.31429/26190567-25-1-20-37

References

- Arbatov, A. G. (2022). Ukrainskiy krizis i strategicheskaya stabil'nost' [Ukrainian Crisis and Strategic Stability]. *POLIS. Politicheskkiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 4, 10–31. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.03
- Chizhevskiy, K., Kulyas, I., Golyubevskiy, M. (Eds). (2015). *Rukovodstvo po dialogu* [Dialogue Guide]. Seyny: fond "Pogranich'ye" i tsentr "Pogranich'ye — iskusstv, kul'tur, narodov".
- Dahrendorf, R. (1998). Anmerkungen zu Globalisierung. In U. Beck (Ed.) *Perspektivender Weltgesellschaft* (pp. 41–54). Frankfurt am Main.
- Dahrendorf, R. (2004). *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Mauer zum Krieg im Irak. Reden und Aufsätze*. Muenchen: Verlag C. H. Beck, oHG.

- Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn.* (2019). Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750>.
- Dutkevich, P., Kazarinova, D. (2017). Strakh kak politika [Fear as Politics]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], № 4, 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02
- Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremeniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moskva: Al'pina Publisher.
- Glukhova, A. V. (2017). Populizm kak politicheskiy fenomen: vyzov sovremennoy demokratii [Populism as a Political Phenomenon: a Challenge to Modern Democracy]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 4, 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04/05
- Glukhova, A. V. (2020). Politicheskiye konflikty v global'nyu epokhu (k probleme teoreticheskoy identifikatsii) [Political Conflicts in the Global Era (to the Problem of Theoretical Identification)]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 11–33.
- Glukhova, A. V. (2022). Novyye krizisy, sotsial'nyye razmezhevaniya, diskursivnyye konflikty i problema obshchestvennogo yedinstva v XXI veke [New Crises, Social Divisions, Discursive Conflicts and the Problem of Social Unity in the 21st Century.]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 36–56. DOI: 10.31249/poln/2022.03.XX
- Habermas, J. (1981). *Theorie des Kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main. ISBN: 3-518-28775-3.
- Hartz, C., Boehnke, K. (2023). *Kitt der Gesellschaft. Dimensionen und Wirkungen sozialen Zusammenhalts*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/kitt-der-gesellschaft-3629>.
- Heidenreich, F. (2023). Wie Lässt sich Zuversicht Zurück Gewinnen? Demokratische Zukünfte. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/demokratische-zukuenfte-3711/>
- Khirschman, A. O. (2021). *Ritorika reaksii: izvrashcheniye, tshchetnost', opasnost'* [Rhetoric of Reaction: Perversion, Futility, Danger]. Moskva: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Kronenberg, V. (2013). Was Halt die Gesellschaft Zusammen? Ein Blick Zurück Nach Vorn. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 3–4.
- Kuvaldin, V. (2017). *Global'nyy mir. Politika. Ekonomika. Sotsial'nyye otnosheniya* [Global World. Policy. Economy. Social Relations]. Moskva: Izdatel'stvo "Ves' Mir".
- Merkel, W. (2021a). Moralisierung und Polarisierung als Gesellschaftliche Signatur. *Neue Gesellschaft*, 8. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/aktuelle-ausgabe/12/2021>.
- Merkel, W. (2021b). Neue Krisen. Wissenschaft, Moralisierung und die Demokratie im 21. Jahrhundert. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 26/27, 4–11.
- Merkel, W. (2022). Über die Moralische Verengung Unserer Diskurse. Die Nervöse Republik. *Frankfurter Hefte*, 6, 44–48.
- Merkel, W. (2023). Der Faktor Zeit in der Ära Multipler Krisen in Europa. Demokratie unter Druck. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/demokratie-unter-druck-3664-1>.
- Meyer, T. (2022). Jürgen Habermas über das Destruktive Potenzial "Sozialer" Medien. Noch ein Strukturwandel der Öffentlichkeit. *Neue Gesellschaft*, 1. Retrieved from [https://www.frankfurter-hefte.de/autor/thomas-meyer/11.01.2022/Ausgabe 1/2 2022](https://www.frankfurter-hefte.de/autor/thomas-meyer/11.01.2022/Ausgabe%201/2022).
- Münkler, H. (2022). Eine Ära der Ungewissheit. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/eine-aera-der-ungewissheit-3338>.
- Neef, T., Chancel, L. (2022). Wie Ungleich ist die Welt? Ergebnisse des World Inequality Report 2022. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 37/38, 29–39.
- Pabst, A. (2021). *Tsivilizatsiya i liberal'naya demokratiya* [Civilization and Liberal Democracy]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 4, 26–42. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04
- Schroeder, W. (2023). Damit aus Polarisierung nicht Feindschaft wird. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/damit-aus-polarisierung-nicht-feindschaft-wird-3627/21.03.2023>.

- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2021). Sotsial'nyye razmezhevaniya i politicheskiye protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii otsenki i klassifikatsii [Social Divisions and Political Confrontations in Scientific Discourse: Criteria for Assessment and Classification]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 5, 56–77. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.05
- Shmitt, K. (1992). Ponyatiye politicheskogo [The Concept of Political]. *Voprosy sotsiologii* [Sociological Issues], 1, 37–68.
- Steiner, N. D., Schimpf, C. H., Wuttke, A. (2023). Abgehängt und im Populismus Vereint? Die Vielfältigen Wurzeln des Populismus im Gefühl Fehlender Gesellschaftlicher Anerkennung. *Politische Vierteljahresschrift*, 64, 107–132.
- Teney, C. (2019). Über die Kluft Zwischen Kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung. *Frankfurter Hefte*. Retrieved from <https://www.frankfurter-hefte.de/ausgabe/gespaltene-gesellschaft-1/>.
- Vaynshteyn, G. I. (2017). Sovremennyy populizm kak ob'yekt politologicheskogo analiza [Modern Populism as an Object of Political Science Analysis]. *POLIS. Politicheskiye issledovaniya* [POLIS. Political Studies], 4, 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
- Veber, M. (2017). *Politika kak prizvaniye i professiya* [Politics as a Calling and Profession]. Moskva: RIPOL klassik.
- Zakariya, F. (2009). *Postamerikanskiy mir* [Post-American World]. Moskva: Izdatel'stvo "Yevropa".

Received 25.01.2023

Accepted 10.11.2023

For citation: Glukhova A. V. Risk Factors in an Era of Uncertainty (New Crises and Their Cumulative Effects). *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 25. No. 1. Pp. 20–37.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).